

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ЖУРНАЛЕ «В ЗАЩИТУ МИРА»

Исполнилось пять лет со дня выхода в свет первого номера ежемесячного международного журнала «В защиту мира». Журнал издается активными участниками движения сторонников мира. Он выходит на 13 языках в 24 странах Европы, Азии, Африки и Америки и рассчитан на самые широкие круги читателей, на простых людей города и деревни. Его программа гласит: «Журнал ставит перед собой такую трудную и смелую задачу, какую не выдвигает ни один из существующих журналов. Основываясь на принципах возможности мирного сосуществования двух систем, он хочет быть трибуной для высказывания и сопоставления самых различных, даже противоположных взглядов, бороться за расширение экономических, научных и культурных связей между народами, стараться устранить недоразумения и перебросить мост между Западом и Востоком»¹. Конкретизируя эту программу, руководители журнала в редакционной статье, опубликованной в первом номере, писали, что они ставят одной из своих главных задач рассказывать читателям о том, как живут и что думают во всем мире простые люди, творящие историю. «Мы считаем,— говорится в этой статье,— что богатство человечества в его разнообразии; ведь человечество — это не одна страна, не один континент и не один общественный строй; человечество — это люди и народы, находящиеся в процессе развития, это различные люди и народы, хотя при всех различиях между ними есть то общее, что они все нуждаются в мире и хотят мира»².

Стремясь содействовать сближению народов разных континентов и стран, журнал занимается всеми сторонами человеческой деятельности: политикой, общественной жизнью, наукой, техникой, литературой, искусством, спортом. Большое внимание он уделяет вопросам культуры и быта народов, входящим в круг интересов этнографической науки.

Знаменательна сама постановка в журнале проблемы культуры. Редакция журнала исходит из понимания культуры как явления прежде всего национального. Национальный характер культуры постоянно подчеркивается в статьях, посвященных этой теме. Вместе с тем журнал показывает мировое значение культуры отдельных народов и подчеркивает необходимость обмена культурными ценностями между ними.

Внимание читателей-этнографов привлекают статьи по вопросам народного творчества. Таких статей в журнале немало, причем значительная их часть посвящена так называемым отсталым народам, культурное достоинство которых, как правило, мало известно читателю-неспециалисту. Особенно интересны в этом отношении статьи об индейцах Америки.

Духом глубокого уважения к древней культуре коренного населения американского континента проникнута статья О. Альварес «Люди и боги страны майя» (№ 45). Это — небольшой, всего на несколько страниц (как правило, статьи в журнале «В защиту мира» невелики по объему), но яркий и разносторонний очерк истории и культуры предков современных майя, создавших 16 веков назад одну из самых развитых цивилизаций Нового Света, не уступавшую первым европейским цивилизациям. Говоря об искусстве древних майя (архитектуре, скульптуре и т. д.), С. Альварес отмечает не только его высокий уровень, но и неразрывную связь искусства с жизнью народа, с его мировоззрением.

¹ Журнал «Мир», 1951, № 26, май, стр. 42—43.

² «В защиту мира», № 1, стр. 1—2. В дальнейшем все ссылки на этот журнал даются в тексте.

Статья сопровождается иллюстрациями, дающими конкретное представление о некоторых сторонах изобразительного искусства древних майя. В частности, здесь опубликован фотоснимок барельефа «Панно рабов», открытого недавно археологом Альберто Рус Луильер в одном из дворцов Паленка.

Устному народному творчеству майя периода испанской колонизации посвящена статья чилийского этнографа Александра Липшуца «Чилам Балам Чумайельский народа майя» (№ 49). Статья свидетельствует о большом научном и политическом значении исследований в области индейской этнографии и фольклора. Автор указывает, что на одном только полуострове Юкатан 400 тыс. человек говорят на языке майя. В Гватемале почти 2 млн. человек говорят на том или ином диалекте этого языка. Кроме потомков майя, еще 15 млн. индейцев говорят на своих родных языках, сохраняют особенности своего экономического и социального уклада, культуры, религии, искусства. Даже у тех сравнительно немногочисленных групп индейцев, которые перешли на испанский язык, быт мало изменился. По данным специалистов, в Латинской Америке насчитывается в настоящее время около 20 млн. индейского населения. «Индейцы,—говорится в статье,—хотят оставаться индейцами, так же, как хотят сохранить свои национальные черты и французы, и испанцы, и англичане. Придет время, когда многочисленные группы индейских племен потребуют для себя создания «национальных республик» или «автономных областей», как того потребовали в свое время национальные меньшинства в России после падения царизма и как недавно потребовали того же национальные меньшинства в Китае» (стр. 44).

Говоря о книге Чилама Балама Чумайельского, представляющей собой сборник фольклора майя, составленный жителем деревни Чумайель на полуострове Юкатан вскоре после вторжения испанских колонизаторов (XVI в.), автор отмечает, что эта книга ценна не только как исторический памятник. Она «ярко свидетельствует о том, что воля современных индейцев к сохранению своего национального облика не есть фантазия, родившаяся в умах интеллигентов и политиков, но исходит из недр народа и продолжает стремления индейцев эпохи испанских захватов» (стр. 44).

В статье излагается история создания и изучения книги Чилама Балама Чумайельского и ряда других аналогичных сборников. В заключение статьи приведены отрывки из книги Чилама Балама по изданию, осуществленному в 1930 г. юкатанским ученым Медисом Болио, который полностью перевел этот замечательный памятник на испанский язык.

О народном творчестве современных майя в Гватемале рассказывает на страницах журнала (№ 17) известный латиноамериканский писатель Мигуэль Анхел Астуриас. Автор подчеркивает, что несмотря на тяжелые условия существования, в которые поставлены современные майя, они хранят и продолжают традиции народного искусства. Наибольшее развитие у современных майя получили различные отрасли прикладного искусства: художественное ткачество, декоративная роспись посуды, мебели и предметов культа, изготовление игрушек и т. п. Автор напоминает, что индейцы Гватемалы являются создателями единственной в своем роде краповой ткани, которую нигде более не изготавливают. Они создают прекрасные сочетания красок и разнообразных рисунков на тканях и глиняных изделиях. Они украшают свою несложную мебель аллегорическими изображениями и фигурами домашних божков. С восхищением говорит Астуриас о высоком искусстве индейских мастеров: «Индеец замечательно тонкий художник и предметы, для него священные, умеет так разукрашивать, что они приобретают исключительную ценность» (стр. 74).

Художественный талант майя, жизнерадостность, присущая их эстетическим традициям, проявляются также в народных празднествах, музыке, танцах. Особенно разнообразны индейские танцы: здесь и ритуальные пляски, некоторые фигуры которых как бы воспроизводят древние мифологические сюжеты, и хореографические пантомимы на исторические и бытовые темы, и пляски-заклинания, и, наконец, танцы остро сатирического характера. Статья Астуриаса не только знакомит читателя с различными областями народного творчества майя, но и вскрывает его характерные черты, прежде всего органическое сочетание древних традиций с мотивами, порожденными современной жизнью индейцев.

Появление в журнале в течение сравнительно небольшого периода времени серии статей о майя, несомненно, отражает возросший интерес мировой прогрессивной общности к истории, быту и культуре этого народа. Большой вклад в изучение индейцев майя внесла за последние годы советская этнографическая наука — мы имеем в виду работы Ю. В. Кнорозова в области древней письменности майя. Было бы целесообразно познакомить широкие массы читателей журнала «В защиту мира» с основными итогами этих работ.

Вопросы народного творчества Латинской Америки в теоретическом плане разбираются в статье Томаса Лаго, директора Музея народного искусства при Чилийском университете, опубликованной в № 8 журнала. Автор исходит из того, что народному искусству Латинской Америки присущи некоторые общие черты, что оно обладает специфическим южноамериканским характером. Однако он считает необходимым выделять особенности народного творчества в разных частях Латинской Америки, обусловленные разнообразием географических условий, неоднородностью этнического состава населения, различиями в социально-экономической и политической структуре отдельных государств.

Центральное место в статье отведено народному творчеству стран тихоокеанского

побережья (Эквадор, Перу, Боливия, северная часть Аргентины и большая часть Чили). Это, по словам автора, центр той культуры, которая берет начало в Перу, на территории, где некогда находилось государство инков. Современное народное искусство Перу обнаруживает следы изумительной древней культуры доиспанского периода, существовавшей более 2000 лет назад. Это относится, в частности, к перуанской керамике, которая, пишет Лаго, «и поныне сохраняет особые американские черты, обусловленные характером употребляемых материалов и техникой изготовления, не изменившейся до сих пор» (стр. 57). Гончарное производство в Боливии такого же происхождения, как перуанское, и одинаково по форме изделий. Особого совершенства перуанские мастера достигли в производстве «матэ» — чаш, украшенных пирогравюрами (выжженным рисунком), сюжеты для которых заимствуются из повседневной жизни. Обычно это изображения полевых работ, работы в коплях, животных, птиц и т. д.

К народному изобразительному искусству стран тихоокеанского побережья автор относит и церковную живопись. Наибольший интерес представляют запредельные украшения — большие переносные щиты, на которых изображено рождение Иисуса. В этих картинах, написанных нежнейшими красками, наряду с персонажами из библии выведено множество народных типов. В районах с индейским населением в народном творчестве наблюдается большая склонность к миниатюрам, как в живописи, так и в скульптуре и керамике. В Боливии, например, очень распространены фигурки «Экепо» (Ekepo) — нечто вроде американского рождественского деда.

Специальные разделы статьи посвящены описанию тканей, одежды, утвари и ювелирных изделий стран тихоокеанского побережья.

Для народного творчества Бразилии, по мнению Т. Лаго, характерно сильное негритянское влияние. На юге страны народное искусство родственно аргентинскому и уругвайскому. К северу от Амазонки находится область распространения индейского искусства (караибы, гуарани). К особому типу автор относит искусство северных стран — Колумбии и Венесуэлы, обычаи населения которых сложились под сильным испанским влиянием, в особенности в центральной части низменности и плоскогорий. Однако здесь можно проследить также культурное влияние метисов и негров.

Не все положения автора одинаково убедительны. В частности, вызывает возражение тезис о том, что «материальное благополучие (имеется в виду индустриальное развитие. — Г. Н.) ведет к уничтожению традиционных особенностей, порожденных различным происхождением культур и этническими различиями» (стр. 63). Но в целом статья Томаса Лаго может быть отнесена к числу наиболее интересных для этнографа материалов журнала.

Журнал «В защиту мира» систематически знакомит читателей и с отдельными сторонами художественного творчества народов Азии и Европы. Большая группа статей рассказывает о национальных традициях многовековой художественной культуры Китая, о расцвете китайского искусства в результате создания Китайской Народной Республики. Таковы статьи «Китайский театр» (№ 35), «Художник Ци Бай-ши» (№ 40), «Пекинская опера» (№ 49) и многие другие. Внимание читателя привлекает и статья Жана Кейма «Тридцать веков китайского искусства» (№ 5), представляющая собой популярный обзор истории китайского изобразительного искусства, начиная с XIII в. до н. э. и кончая маньчжурским завоеванием в XVII в. Отдельные разделы статьи посвящены бронзовым изделиям эпохи Хань, скульптуре эпохи Вей, живописи эпохи Сун, фарфору эпохи Мин. Статья, проникнутая глубоким уважением к богатой и многообразной культуре великого китайского народа, содержит ряд тонких наблюдений, интересных не только для широкого читателя, но и для специалиста.

Одной из популярных форм китайского народного творчества является искусство разрисовки окон. Как известно, в старом Китае подавляющее большинство крестьян не имело средств для того, чтобы застеклять окна. Вместо стекол, окна в крестьянских жилищах затягивались промасленной бумагой. Разрисовка таких окон была делом народных мастеров, творчеству одного из которых посвящен опубликованный в 25-м номере журнала небольшой фотоочерк «Ван Лао Чжан — деревенский художник». Ван Лао Чжан — простой крестьянин из Гуйсяня (Чахар). Разрисовкой он занимался обычно в свободное от полевых работ время. За свою полувекую творческую деятельность Ван изобразил 200 сцен с четырьмя фигурками, т. е. 800 различных сюжетов. «...Своей работой по разрисовке окон, — говорится в очерке, — Ван Лао Чжан значительно обогатил китайский фольклор»³ (стр. 44). Читатель и сам может судить о высоком мастерстве китайского народного художника по иллюстрациям к очерку.

Автор обстоятельно рассказывает о технике разрисовки, применявшейся Ваном. Он создавал свои фигурки целыми сериями: сначала рисовал модель, потом накладывал на пачку белой бумаги из 70 листов и сразу вырезал 70 фигурок, затем при помощи множества маленьких ножей отработывал внутренние детали и, наконец, раскрашивал. Произведения Вана пользовались большим спросом у китайских крестьян.

Малоизвестные страницы художественного творчества польского народа открывает статья Юзефа Грабовского «Польская живопись на стекле» (№ 52). Живопись на стек-

³ Слово «фольклор» употребляется здесь, как и в некоторых других статьях журнала, в широком смысле, равнозначном понятию народного творчества вообще.

ле, как один из видов народного творчества, была обнаружена в Польше в прошлом веке в населенной кашубами деревушке Вольдзидзах. Сама эта живопись не столь древнего происхождения. Все известные даты создания картин на стекле относятся ко времени не ранее XIX в. Никаких сведений об этом виде польского народного искусства не сохранилось. Единственным источником, по которому можно воссоздать его историю, являются сами образцы живописи. Некоторые из них дошли до наших дней и хранятся в музеях Еленя-гуры и Закопане, в Краковском этнографическом музее и многих областных музеях центральной, восточной и северной Польши. Польскую народную живопись на стекле автор делит на три основные группы. Первая и наиболее значительная возникла в Силезии. Она имеет много общего с чехословацкой и немецкой живописью на стекле. Область ее наибольшего распространения — горные районы Карпат и Судет. Живопись второй группы берет начало от тех расписных стекол, которыми в центральной Польше и на севере, в районах, населенных кашубами, закрывали цветные грани на дереве. Живопись третьей группы не связана с гравюрами на дереве. Ареал ее распространения — восточная часть Польши.

В тематическом отношении живопись на стекле не отличалась разнообразием. Ее красочные изображения имели религиозный характер. Но она была едва ли не единственным ярким пятном в мрачных крестьянских избах.

В буржуазной Польше живопись на стекле стала исчезать. Лишь некоторые примечательные жители горных районов изготавливали имитации старинной росписи на стекле для продажи туристам. Однако в наши дни в народно-демократической Польше искусство живописи на стекле вступает в период своего возрождения. Известная польская художница Елена Рой-Козловская создала свою школу этого искусства. У нее много учеников — молодых горцев. Деятельным пропагандистом живописи на стекле является и проф. Миклашевский. Благодаря его настояниям живописью на стекле занялись учащиеся лесопромышленной школы в Закопане, и некоторые из них (Ян Яхимек, Гаска) уже приобрели известность своими работами.

Современная живопись на стекле отражает новое мировоззрение польского народа. От сюжетов религиозных она перешла к картинам на местные темы, к бытовым сценам из жизни горцев и истории крестьянских восстаний. Среди иллюстраций к статье, наряду со старыми рисунками религиозного характера, читатель видит современный рисунок Яна Яхимека «Восстание Костка Наперского». Дальнейшее развитие живописи на стекле, несомненно, еще более обогатит разнообразное и выразительное народное искусство Польши.

В ряде статей журнал «В защиту мира» показывает роль народного творчества как неисчерпаемого источника для развития всех видов искусства. Примечательна в этом отношении статья Жоржа Бессона «Краковский алтарь» (№ 35), рассказывающая о выдающемся произведении польского искусства конца XV в., созданном знаменитым скульптором и художником Витом Ствошем. Автор резко критикует тех западноевропейских искусствоведов, которые все внимание уделяли вопросу о том, какие течения в западноевропейском искусстве оказали влияние на формирование творческой индивидуальности Ствоша. Он указывает на тесную связь творчества Ствоша с польским народным искусством, с народными традициями.

Интересна статья Жана Амблара «Заметки о болгарском искусстве» (№ 24). За время, проведенное в Болгарии, автор внимательно изучил различные виды болгарского искусства. В его статье говорится о старинной церковной росписи, о фресках на стенах и куполе фракийской гробницы V в. до н. э., обнаруженной во время недавних раскопок кургана близ города Казанлык. Более подробно характеризуется искусство XIX в. (болгарское возрождение). «Именно в этот период, — пишет Амблар, — самые красивые города Балкан приобретают свои характерные черты: дома с широкими окнами, колоннады, украшения из резного дерева, фронтоны, фрески как на внешних, так и на внутренних стенах. В домах полы украшаются коврами с геометрическими рисунками и очень богатым орнаментом, вытканными народными мастерами по мотивам, созданным ими же самими. Деревянные предметы обихода украшены резьбой: ложки, кружки для вина и т. д.» (стр. 31).

Автор отмечает высокое развитие художественной резьбы у болгар и любовь их к орнаменту. Он говорит о богатой и разнообразной по формам национальной одежде. Заслуживает внимания мнение автора о том, что балканские города Болгарии «были хранителями патристических традиций» (стр. 32).

В статье подчеркивается бережное отношение правительства и населения Болгарской Народной Республики к наследию народного искусства.

Устному творчеству английского народа посвящена статья «Английский фольклор» (№ 29), принадлежащая перу видного драматурга и собирателя народных песен Англии Ивэна Маккола. Статья эта привлекает уже своей полемической частью, направленной против тех фольклористов, которые считали английские народные песни и баллады исключительно достоянием глубокой старины и отстаивали мнение, будто народная песня не может быть живым источником культуры.

Ивэн Маккол убедительно показывает несостоятельность этих взглядов. Он знакомит читателей с некоторыми из бытующих сейчас и впервые им собранных народных песен. В большинстве — это песни рабочих. В песне «Четыре ткацких станка» отражены сила чувства и величие духа ткачей, боровшихся в эпоху промышленного переворота против своих угнетателей. Она считается сейчас одной из лучших народных песен

В другой песне — «Четыре пенса в день», созданной примерно сто лет назад, рассказывается о детях, работавших на промывке свинца:

Четыре пенса в день, друзья, а труд тяжел — тяжел,
 Ни капли ласки и тепла, надсмотрщик груб и зол,
 Но, может быть, когда-нибудь проснется совесть в нем...
 Отец мой был шахтером, жил в предместье городском,
 Работал много, но всегда был с нищетою знаком,
 Хотел чтоб в школу я ходил, да денег нет платить...
 И вместо школы мне пришлось на шахту поступить,
 И за четыре пенса в день свинец на шахте мыть.
 Четыре раза бьют часы — уже вставать пора,
 Стучатся в дверь твою друзья, спешь мальчишка-раб,
 Темно, но к шахте мы бежим, труд горек и суров.
 Четыре пенса в день — цена за маленьких рабов.

Третья из опубликованных в журнале песен была сложена заключенными, сосланными на о-в Тасманию. Среди них, как известно, были пионеры английского профсоюзного движения и многие другие участники классовой борьбы английских рабочих середины прошлого века. Автору удалось собрать целый цикл песен сосланных, в том числе песню, сложенную одним шотландским чартистом.

В Англии жива традиция профессиональной рабочей песни. Автор собрал образцы таких песен, в частности, несколько песен железнодорожников. Большинство их относится к середине XIX в.

Много народных песен собрал Маккол у себя на родине, в Шотландии. Значительная их часть — это песни сельских рабочих, батраков. Таких песен в Шотландии около 12 тысяч, в них чувствуется влияние ирландских иммигрантов.

Нередко народные песни носят сатирический характер. В них высмеиваются полиция и жандармы. Подчас в старую песню вставляются новые куплеты на злобу дня. «И я понимаю, — заключает Маккол, — почему многие прежние собиратели народных песен сейчас хотят убедить себя и других в том, что английская народная песня умерла; уж слишком выразительно говорится в ней о жизни и чаяниях народа» (стр. 77).

С этим выводом нельзя не согласиться. Жаль только, что автор ограничился анализом песен, созданных в прошлом веке, и почти совсем не коснулся современного народного песенного творчества.

С лучшими образцами фольклора знакомят читателя и многие другие книжки журнала. В № 8 напечатана панджабская народная легенда «Голубка и ворон», в № 44 — вьетнамская легенда «Мать с ребенком» (о пике Туран), в № 45 — чилийская народная сказка «Как рото⁴ перехитрил дьявола» и пословицы разных народов, в № 48 — испанская народная сказка «Три вопроса», в № 57 — алжирские народные сказки и т. д.

Журнал ставит вопрос и об общих чертах, присущих фольклору разных народов, разделенных географическими и политическими границами, живущих за тысячи километров друг от друга. Мы имеем в виду опубликованную в № 52 статью прогрессивного французского публициста Клода Руа, известного советскому читателю по его книге о Китае, переведенной на русский язык⁵. Статья Клода Руа носит характерное название «Семейное сходство». Тезис о «семейном сходстве» поэзии различных народов автор иллюстрирует рядом конкретных примеров. Так, в одной из китайских народных песен, услышанной автором в Шанхае, поется:

Зачем я не твое зеркало?
 — Всегда б я отражал твою красу.
 Зачем я не пояс твой алый?
 — Всегда б я обнимал твой стан.
 Зачем я не свирель бамбуковая?
 — Всегда бы приникал я к твоим устам.
 Зачем я не белый твой котик с черным хвостом?
 — Всегда бы я мурлыкал у ног твоих.

(стр. 58).

Ту же тему «Если бы я был...», тему «превращения» мы находим в любовной лирике многих других народов — в испанских сегедильях, в песнях болгарских крестьян, в греческих народных песнях XV—XVI вв., в сборнике финской народной поэзии «Кантелетар», в песнях американского народа. Автор ссылается также на исследование крупного знатока древней литературы Габриэля Жермена, который в своей недавно опубликованной книге «О генезисе Одиссея» показал, что ряд мифов и эпизодов, имею-

⁴ «Рото» — прозвище простолюдина в Чили.

⁵ Клод Руа, Ключи к Китаю, Перевод с французского, М., 1954.

шихся у Гомера, встречается у поэтов Индии, что существует поразительная аналогия между «Одиссеей» и «Махабхаратой», между греческой эпикой и «Рамаяной».

По мнению Клода Руа, это сходство не есть результат заимствования, хотя в некоторых случаях оно может иметь место. Мифологические сюжеты, поэтические образы, песни, басни, сказки повторяются, потому что люди похожи друг на друга, потому что в произведениях народного творчества выражаются не только общенациональные, но и общечеловеческие чувства, не знающие различия в цвете кожи, в религии, в обычаях, в одежде и в климате. Чудесная поэзия народов, говорит автор, — это голос человека. Когда слушаешь его, «все то, что так долго источало яд взаимной ненависти и презрения, служило оправданием эксплуатации и уничтожения человека человеком, вдруг исчезает, рассеивается, и остается лишь удивиться своему ослеплению» (стр. 60).

Эта прекрасная мысль Клода Руа как бы подчеркивает значение того вклада в развитие дружбы и взаимопонимания между народами, который вносит журнал «В защиту мира», пропагандируя и изучая образцы народного творчества.

* *
*

Немало интересных сведений находит этнограф в материалах журнала, посвященных современной жизни народов разных стран. Материалы эти различны по форме — здесь и публицистические статьи, и очерки, и репортажи, и путевые заметки, но их объединяет стремление правдиво отразить сегодняшний день широчайших масс населения во всем мире. Особенно много таких материалов о странах Азии. И это вполне закономерно. События, происходящие ныне в Азии, имеют всемирно-историческое значение. В передовой статье «Азия и всеобщий мир» (№ 3) ответственный редактор журнала «В защиту мира» Пьер Кот пишет: «...Роль Азии, ее народов, удельный вес ее проблем в международной политике становятся год от года, если не сказать день ото дня, все более значительными. На наших глазах рождается новый, незнакомый для большинства из нас мир. Узнать его лучше — наш долг» (стр. 3).

Этот почетный долг журнал успешно выполняет, из номера в номер знакомя своих читателей с самыми различными сторонами жизни народов Азии. Одно из центральных мест в журнале занимают материалы о новом Китае, о грандиозных преобразованиях во всех областях жизни его 600-миллионного населения.

В статьях китайских авторов и побывавших в КНР гостей из-за рубежа — «Привет Янцзы» (№ 16), «Аграрная реформа изменила облик китайской деревни» (№ 7), «Китай» (№ 31), «Пекин сегодня» (№ 18), «Пекин» (№ 22), «Здравоохранение в Китае» (№ 6), «Китай глазами художника» (№ 52) и многих других — читатель находит яркие описания нового быта трудовых масс Китая, вставших на путь строительства социализма. В ряде материалов журнал освещает большую и важную проблему переустройства семейных отношений в народном Китае (№№ 12, 17 и др.).

Существенным для развития китайской культуры является вопрос о письменности. Большой интерес в этом отношении представляет статья Жана Клемантена «Китайцы хотят преобразовать свою письменность» (№ 49). Автор дает краткую характеристику китайской иероглифической письменности и указывает, что в старом Китае письменность была привилегией господствующих классов. В первой половине нынешнего века не раз выдвигались проекты упрощения китайской письменности, но все они так и остались проектами. У тогдашних правителей Китая, по ироническому замечанию Клемантена, «были другие заботы...» (стр. 102). Только после создания Китайской Народной Республики вопрос о реформе письменности был поставлен на практическую почву как одно из важнейших условий ликвидации массовой неграмотности населения и общего подъема культуры в стране. В течение пяти лет были всесторонне изучены различные проекты реформы письменности и проведены необходимые подготовительные работы. С 1 мая 1955 г. реформа письменности вступила в силу. Ее намечено провести в два этапа, ибо нельзя, конечно, за один день полностью преобразовать то, что создавалось в течение десятиков исков. На первом этапе число употребляемых иероглифов будет ограничено 798, причем они будут упорядочены и упрощены. На втором этапе также постепенно будет введено в употребление фонетическое письмо. Создание фонетической письменности было давней мечтой переловых людей Китая. Еще в XIII в. н. э. китайский ученый Па Се-па, уроженец Тибета, представил императору Хубилаю алфавит, состоявший из 51 буквы. Но внедрить этот алфавит не удалось вследствие сопротивления реакционеров, выступавших против распространения просвещения. Правительство КНР предприняло создание фонетической письменности. Новое письмо уже исполняется в некоторых школах на севере страны. Благодаря этому письму дети быстро обучаются чтению, затем начинают учить иероглифы, что дается им уже сравнительно легко.

Автор отмечает, что в Китае отнюдь не думают отказаться от национальной письменности. «В результате реформы китайские школьники будут знать как фонетическое письмо, так и упрощенную иероглифическую письменность. Таким образом, будут сохранены и продолжены традиции старой китайской цивилизации» (стр. 103).

Если в Китае очень важна проблема письменности, то в другой крупнейшей стране Азии — в Индии — остро стоит проблема языкового развития. В условиях многонационального государства, каким является Индия, огромное значение имеет вопрос об общем для всех ее народов языке, отсутствие которого чрезвычайно усложняет решение неотложных экономических, социальных и культурных задач, вставших перед страной после

завоевания независимости. В то же время широкую общественность Индии волнует вопрос о судьбах местных языков, являющийся частью общего вопроса о путях национального развития многочисленных народов Индии. Вот почему большой интерес представляет статья индийского писателя лауреата Международной премии Мира Мульк Радж Ананда «Родственные языки Индии», опубликованная в № 36 журнала.

Автор указывает, что вопрос о языках служит в Индии предметом горячих споров. Однако, несмотря на наличие различных точек зрения, в ряде основных пунктов существует единство мнений, и это единодушие свидетельствует о все большем росте национального самосознания. Так, бесспорным является мнение о том, что Индии нужен общий для всех ее народов язык. Широкое признание получила и задача развития местных языков, с тем чтобы они могли служить интенсивным проводником культуры и средством создания богатой, высокохудожественной литературы.

Писатель особенно подчеркивает необходимость всемерно развивать культурный обмен между различными национальностями, населяющими Индию. Он указывает, что это задача не только внутреннего, но и большого международного значения. Она не отделима от другой насущной задачи, выдвигаемой передовой индийской общественностью, — задачи укрепления культурных связей народов Индии с народами всего мира.

Интересные сведения об отдельных сторонах жизни народов Азии находит читатель в корреспонденциях из Пакистана, Индонезии, Японии, в статьях о национально-освободительной борьбе во Вьетнаме, Малайе и других странах. Так, в репортаже «Япония вчера и сегодня» (№ 10) довольно подробно описана система «карико», до сих пор существующая в Японии, особенно в северо-восточных районах страны. Слово «карико» в буквальном переводе означает «ребенок, отданный внаймы». Обычно это подростки, «вынужденные идти в рабство в качестве работника на ферме или в качестве служанки» (стр. 38). Рабочий день карико неограничен, обращаются с ним хуже, чем с животным, спит он в холодном помещении, которое не отапливается даже суровой зимой. Эксплуатация карико приносит их владельцам большие доходы.

Под заголовком «Дети-рабы» приведены данные из книги о детях, проданных в рабство, опубликованной в декабре 1951 г. Управлением по делам женщин и несовершеннолетних детей министерства труда Японии. Из этих данных, по мнению автора статьи, несомненно заниженных, явствует, что только за 8 месяцев 1951 г. (с апреля по ноябрь) в Японии было продано по контрактам 674 ребенка моложе 18 лет, в том числе два девятилетних. 56% девочек были проданы в дома терпимости, остальные подростки проданы на работу в качестве слуг на фермах, чернорабочих и т. п. В провинции Ямагата, например, в бедных деревнях нужда так велика, что там не найдется семьи, которая не продала бы ребенка, чтобы прокормить остальных.

Укажем также на статью «Война в Малайе» (№ 23), значительная часть которой посвящена рассмотрению национального вопроса в этой британской колонии. Подобно многим другим странам Юго-Восточной Азии Малайя является как бы местом стыка индийской и китайской культур и их слияния с культурой местных народов. В Малайе бок о бок живут малайцы, китайцы и индийцы. Многонациональный состав населения Малайи использовался английскими властями, чтобы проводить здесь политику «разделяй и властвуй». Захватив Малайю, англичане стали поощрять массовую иммиграцию туда китайского населения. Если в XVIII в. китайцы составляли незначительное меньшинство жителей страны, то сейчас они по численности сравнялись с малайцами. Иммиграция поощрялась не только для того, чтобы облегчить колонизаторам хозяйничанье в стране путем натравливания одной национальности против другой, но и с целью расширения рынка дешевой рабочей силы. В настоящее время китайцы составляют большую часть промышленного пролетариата Малайи. Наоборот, подавляющее большинство сельскохозяйственного пролетариата (рабочие рисовых плантаций, кули, сельские ремесленники и др.) — малайцы.

В статье опровергаются настойчивые утверждения английских колониальных властей, будто Малайя — это страна, где расовые противоречия носят особенно острый характер, и если бы не англичане, то между китайцами, малайцами и индийцами шла бы непрерывная резня. Автор подчеркивает, что английские колониальные власти сами искусно поддерживают так называемые «этнические перегородки» и разжигают вражду между национальностями. В статье отмечается, что в период второй мировой войны народ Малайи, без различия национальностей, единым патристическим фронтом выступал против японских оккупантов. Развернувшееся в 1941 г. мощное антияпонское движение сопротивления не только показало, что борьба против фашизма неразрывно связана с борьбой за национальное освобождение, но и снесло искусственные барьеры, разделявшие ранее китайцев, малайцев и индийцев. Единство народов Малайи, выкованное в боях с японскими оккупантами, является важным фактором в их нынешней борьбе за свободу и независимость.

Среди материалов о странах Передней Азии особое внимание привлекает статья молодого иранского писателя Ахмед Садека «30 000 рабочих на нефтяных промыслах Абадана. Эти бедняки самые богатые люди в мире» (№ 5), написанная и опубликованная в 1951 г., когда в Иране с большой силой развертывалось движение за национализацию нефтяной промышленности. Статья эта до сих пор не утратила своей актуальности, тем более, что научная литература крайне бедна сведениями о жизни иранского рабочего класса.

Статья направлена против лживой пропаганды о том, будто в период деятельности

бывшей Англо-Иранской нефтяной компании улучшились условия жизни населения Южного Ирана. На конкретных фактах автор показывает ужасающее положение рабочих в крупнейшем центре иранской нефтяной промышленности — Абадане. Город четко разделен на две части, резко отличные друг от друга, — рабочие кварталы и кварталы, в которых живут господа. В квартале Хагар-Абад, самом большом рабочем поселке в Иране, дома как бы сделаны из бумаги. «В Хагар-Абаде люди не живут, а умирают. У них нет хлеба, нет воды, нет света; среди них очень много туберкулезных, но они скрывают свою болезнь, чтобы их не выгнали с работы. В Хагар-Абаде воду для питья берут из открытых каналов, загрязненных пылью немощенных улиц и нечистотами, стекающими в канал из верхнего города. Вследствие безработицы уровень заработной платы невероятно низкий» (стр. 55).

С возмущением говорит автор о режиме социальной и национальной несправедливости, введенном английскими империалистами на юге Ирана в период деятельности АИНК. Заработная плата иранских рабочих была в 40 раз меньше заработной платы англичан такой же квалификации. Иранец рабочий не имел права ездить в любом автобусе, покупать в любом магазине, посещать кафе и рестораны. Еще недавно на дверях некоторых кафе можно было видеть надпись: «Кули и собакам вход воспрещен». Такова та «цивилизация», которую принесли Ирану колонизаторы.

Эксплуатация иранских нефтепромыслов иностранными империалистами гибельно отразилась и на сельском хозяйстве Хузистана — провинции Южного Ирана, территория которой немногим меньше территории Франции. Обосновавшись здесь, английские империалисты стали ввозить такие продукты сельского хозяйства, которые производились и в самом Хузистане. Они заставляли рабочих АИНК покупать товары только в английских магазинах, платя вдвое дороже обычных цен. Таким образом, в одном только Абадане 30 000 рабочих должны были по сути дела бесплатно работать для иностранных империалистов, в то время как Хузистан нищал. Эта огромная провинция, считавшаяся раньше одной из самых богатых в Иране, дававшая стране много хлеба, шерсти, мяса, молочных продуктов, фиников и т. д., кормившая большую часть населения района пустынь (Даште-Кевир), сама стала превращаться в пустыню. Крестьяне Хузистана бросали свои дома, пашни и уходили. А вот как описывает автор положение многих из тех, кто остался: «В Бехбехане я встречал крестьян, упорно не желавших расстаться со своими пашнями. Они обматывали до того, что единственной одеждой им служили старые лранные и грязные мешки из-под муки. В ста двадцати километрах от Керманшаха я видел, как в поле паслось человеческое стадо... Это зрелище невыносимо. Женщины и дети зубами срывали траву, они смотрели на меня неподвижным диким взглядом и не замечали меня» (стр. 53—54).

И все же статья не создает у читателя впечатления безысходности. Она исполнена веры в несокрушимую силу свободолюбивого иранского народа, веры в его светлое будущее.

Материалы журнала отражают и тот исторический поворот, который все четче и четче обозначается в Африке, до недавнего времени считавшейся твердыней колониализма. Журнал освещает жизненные проблемы народов африканского континента, показывает рост их национального самосознания, подъем освободительного движения и борьбу за мир. Особое внимание уделяет журнал народам Египта и стран Магриба, которые играют сейчас роль авангарда антиимпериалистического и национально-освободительного движения в Африке. В статьях и рассказах о Северной Африке (см. №№ 10, 11, 15, 16, 20, 21, 29, 36, 45, 59 и др.) содержатся яркие зарисовки производственной деятельности и быта египетских рабочих и феллахов, алжирских батраков, тунисских и марокканских крестьян.

Вот, например, о чем рассказывает автор статьи «Марокко», напечатанной в № 29 журнала. 75% марокканского населения живет в глубинных районах страны и находится во власти племенных традиций и чрезвычайно неустойчивого примитивного земледелия. Свой клочок земли марокканский феллах обрабатывает, как и две тысячи лет назад, деревянной сохой, едва царапающей поверхность сухой каменистой почвы. В обычный год феллах не собирает и шести центнеров зерна с гектара. В пору засухи, как это было в 1937 и 1945 гг., люди сотнями тысяч гибли от голода.

Автор указывает, что в Марокко систематически проводилась политика земельного ограбления феллахов. Менее чем за 15 лет (с 1939 до 1953 г.) марокканцы потеряли около 1 млн. га обрабатываемой земли. Обездоленные феллахи массами переселились в «бидонвилли», которые выросли в послевоенный период вокруг Касабланки и Рабата. Экономический и социальный гнет дополнялся национальным и политическим гнетом, который то и дело принимал, как это не раз было после войны, форму кровавого террора. «Невозможно, — говорится в статье, — передать ужасную картину постоянной нищеты и страха, терзающих население деревень и бидонвиллей. Повесть об этом написана не чернилами, а кровью, пролитой марокканцами во имя независимости и лучших условий жизни» (стр. 45).

Журнал вскрывает тяжелые последствия колониального гнета в области здравоохранения и народного образования. Показательно, например, положение в Тунисе, где 84% детей коренных жителей страны были лишены возможности посещать школу. В целом в стране с населением в 3 231 000 человек в 1953 г. училось в школе только 164 000 детей. Журнал сопоставляет эти цифры с данными о развитии народного образования в Советском Азербайджане, население которого примерно равно населению Туниса. В Азербайджанской ССР в 1947 г. 534 000 детей учились в начальных и сред-

них школах, а 28 800 юношей и девушек занимались в вузах и техникумах республики⁶. В Тунисе всего 472 врача, т. е. один врач приходится на 7000 жителей (во Франции — 1 на 1000, в Советском Узбекистане — 1 на 895). «Если к этому добавить, что 68% туземного населения (Туниса.— Г. Н.) живет в жалких шалашах, то станет понятным стремление тунисцев сделать кое-какие добавления к «благам» цивилизации, чтобы добиться социального и человеческого прогресса» (№ 20, стр. 105).

В то же время материалы журнала свидетельствуют о высокой одаренности народов Северной Африки, об их способности создавать непреходящие художественные ценности. Журнал знакомит читателя с великолепным искусством древнего Египта (иллюстрации к статье «Нил», № 15), с достижениями старой и новой арабской архитектуры (статья Абдерамана Бушама «Поющая арка», № 4), с творчеством талантливого алжирского писателя Мохаммеда Дибя, автора романов «Большой дом» и «Пожар», в которых правдиво отображены тяжелые условия существования алжирского народа (отрывок из романа «Пожар» опубликован в № 36).

Журнал «В защиту мира» последовательно и страстно борется с расизмом, в частности с расизмом в Южной Африке. В первом же номере журнала была опубликована заметка «Расистское тупоумие», высмеивающая принятый парламентом Южно-Африканского Союза новый закон о расовой дискриминации. Согласно этому закону, «чернокожие» должны тщательно отделяться от белых в поездах железных дорог, на пассажирских авиалиниях, в ресторанах, гостиницах. Оказалось, однако, что если легко отвести специальные вагоны для «чернокожих», то гораздо труднее выделить для них специальные самолеты. Пришлось, по настоянию Компании пассажирских авиалиний, внести некоторые поправки: решено, что в самолетах африканцам будут отведены отдельные места, а главное — посуда и салфетки, которыми пользуются африканцы, будут мыться отдельно. Теперь «в южноафриканских самолетах можно наблюдать, как в разных бачках моется посуда и салфетки, которыми пользовались белые и чернокожие. И рабочие, которые все являются неграми, безукоризненно справляются с этой сложной работой» (стр. 87).

Разоблачению расовой дискриминации и расового террора в Южно-Африканском Союзе посвящены также статья Б. Дэвидсона «Кризис в Южной Африке» (№ 14) и ряд других материалов журнала. О жизни народов различных стран Черной Африки рассказывают путевые заметки Пьера Парафа «Встреча друзей» (№ 52), документальный обзор «Черная Африка» (№ 26, 27) и другие статьи.

Большая группа статей знакомит читателя с жизнью народов Латинской Америки. С этнографической точки зрения интересны материалы о современном положении индейцев в этой части американского континента. Такова, например, статья эквадорского писателя Энрике Хиль Хильберта, лауреата Национальной премии и конкурса новеллистов Латинской Америки, — «Условия жизни в Эквадоре» (№ 4). Индейцы составляют большинство населения Эквадора — два с половиной миллиона из четырех. Область Кордильер населена почти исключительно индейцами. Они лишены земли, стали пролетариями, живут на очень низкую заработную плату. Большинство индейцев этой горной области работает в текстильной промышленности, на маленьких предприятиях, оборудованных допотопными машинами. На побережье имеются нефтяные промыслы, принадлежавшие до недавнего времени англо-эквадорским компаниям. В последние годы владычество английского капитала сменяется здесь господством североамериканских монополий. «В Эквадоре, — пишет автор, — до сих пор вообще нет расовой дискриминации, но на побережье американцы ввели ее» (стр. 65).

Особенно тяжелы условия жизни индейцев — сельскохозяйственных рабочих, занятых на банановых плантациях, контролируемых «Юнайтед фрут». Многие индейцы на свой дневной заработок могут купить лишь горсточку риса. Жилище, одежда, пища индейцев самые жалкие. 70% населения Эквадора неграмотны. Детская смертность здесь самая высокая в мире.

Автор показывает, что в Эквадоре есть силы, способные освободить страну от гнета иностранных монополий и вывести ее на путь процветания. Он приводит яркие факты из области крестьянского и рабочего движения и указывает на растущее в стране движение борцов за мир. В народном движении активно участвуют и индейцы Эквадора. Они организованы в профсоюзы и с большой энергией борются за улучшение условий своего существования.

О жизни народных масс других стран Латинской Америки рассказывают статьи известного чилийского писателя и борца за мир Пабло Неруда «Чили — моя родина» (№ 6), Саранда Кабрера «Уругвай — моя родина» (№ 21), Жака Мадоль «Аргентина — страна солнца» (№ 34), Бернардо Кордона «Карнавал в Рио» (№ 46), Орацио Ораци «Мексика без сомbrero и серапе» (№ 48), Фрэнсиса Жоакэн Руа «Гаити» (№ 50), Педро Оргамбиде «Патагония» (№ 52), Зоры Брага «Манаус — зеркало Бразилии» (№ 53) и др.

Привлекает внимание содержательная статья «Школа в Латинской Америке» (№ 50). В статье отмечается, что в Латинской Америке при общей численности населения 160 млн. человек насчитывается 70 млн. неграмотных. Кроме того, из-за недостатка школ 19 млн. детей остаются без школьного образования. Нередко молодой учитель, прибывающий к месту назначения где-нибудь на скалистых склонах Анд, в бразильских лесах или среди плантаций Караибского бассейна, сталкивается с отсут-

⁶ По данным «Statesman Yearbook» 1950 г.

ствием там какой-либо школы. Во многих школьных зданиях в сельских районах нет школьного инвентаря. Парты ученикам заменяют простые доски, на которых они сидят в крайней тесноте. Но часто и единственное классное помещение оказывается пустым. Причина этого — нищета. «Мальчики и девочки не приходят в школу потому, что их семьи слишком бедны и дети должны помогать родителям в полевых работах» (стр. 82).

Несмотря на эти тяжелые для развития народного образования условия, учителя Латинской Америки с помощью прогрессивных общественных организаций добились немалых успехов в борьбе с массовой неграмотностью населения. В Мексике, например, число сельских школ увеличилось за период 1922—1948 гг. с 309 до 18 014, а число учителей с 399 до 27 000. Начиная с 1948 г., развертывается новое строительство школ, которое ведется быстрыми темпами. Значительные успехи в деле народного образования достигнуты за последние годы и в некоторых других странах Латинской Америки.

В статье отмечается огромная тяга трудящихся Латинской Америки к знанию. Там, где есть возможность, учатся не только дети, но и взрослые. Вот снимок на стр. 83: «В школе в Патсенаро в Мексике. Дедушка водит в школу внука и учится сам». В маленькой деревне провинции Сан-Карлос (Чили) каждую неделю на сельской площади собираются крестьяне, чтобы послушать рассказ учительницы об истории их родины. Учитель в индейском поселке Варизата в Боливии, расположенном на высоте 3000 м над уровнем моря, постоянно окружен не только детьми, но и взрослыми, которые хотят узнать, как обработать скалистый участок земли, как варить некоторые блюда, как помочь женщине при разрешении от беременности. В свою очередь передовые учителя вникают во все стороны сельской жизни, заботятся о повышении культуры населения, об улучшении условий быта.

И все же положение в области народного образования в странах Латинской Америки, особенно в сельских районах, продолжает оставаться трудным. Автор статьи напоминает о словах известной поэтессы Габриэлы Мистраль: «Если земельный вопрос не будет разрешен в Латинской Америке хотя бы наполовину, то невозможно будет решить проблему сельской школы» (стр. 86).

В 59 номере журнала опубликован большой, обильно иллюстрированный очерк «Народные обряды в Бразилии». Автор очерка Зора Брага участвовала в праздничной церемонии очень распространенного в Бразилии культа террейрос. В различных районах страны эта церемония носит особые названия: в Рио де Жанейро — макумба, в Пернамбуку — ксанго, на севере — катимбо и т. д. Однако повсюду она имеет общие черты, свидетельствующие об ее африканском происхождении. Данное в очерке подробное описание макумбы представляет большой интерес для этнографа.

Среди материалов о Соединенных Штатах Америки следует отметить статью Поля Даусона «Последний из Яхи» (№ 37). Автор рассказывает о трагической судьбе индейцев Калифорнии, истребленных колонизаторами, об их быте и культуре. Другая статья того же автора «Города-призраки на Дальнем Западе» (№ 24) знакомит читателя с некоторыми сторонами жизни населения городков и поселков на западе США, возникших в середине прошлого века, в период «золотой лихорадки», а затем опустевших и заброшенных. Интересные сведения об отдельных особенностях быта жителей Нью-Йорка, принадлежащих к различным национальностям, сообщает Александр Флик в своеобразном по форме очерке «Нью-Йорк — город иностранцев» (№ 48). Укажем также на статью «Американский фетиш «военное процветание»» (№ 28), где приведены конкретные данные, свидетельствующие о бедственном положении трудящихся в США.

Журнал опубликовал ряд статей и рассказов о жизни народных масс в странах Европы. В их числе статьи о тружениках современной Италии (№ 1), о датских моряках (№ 1), о безработных Ланкашира (№ 12), о французских крестьянах (№ 32) и другие. Важная проблема взаимоотношений между коренным населением Франции и трудящимися-иммигрантами, в частности североафриканцами, прибывшими в страну в последние десятилетия, рассматривается в статье Роже Вайяна «Человеческое достоинство» (№ 14). Национальным традициям Англии посвящена статья Гордона Шаффера в № 26 журнала.

Журнал систематически публикует материалы о Советском Союзе. Статьи, очерки, рассказы, посвященные нашей стране, дают зарубежным читателям представление о грандиозных изменениях, произошедших в экономике, быту и культуре народов СССР за годы советской власти. В некоторых статьях читатель находит сведения о жизни ранее отсталых и угнетенных народов царской России, ставших благодаря Октябрьской революции свободными, равноправными членами братской семьи народов многонационального Советского Союза. Интересен в этом отношении рассказ Рытхеу «Соседи на десять суток» (№ 30), в котором отражен сегодняшний день одного из малых народов Крайнего Севера — чукчей, за невиданно короткий исторический срок проделавших гигантский путь от патриархально-родового строя к социалистическому обществу. Факты, сообщаемые в этом рассказе: о чукчах-студентах, учителях и колхозниках, об электричестве в чукотских стойбищах, о благоустроенных домах вместо яранг, о механизации рыбного лова на Чукотке, об искоренении шаманства и исчезновении группового брака, — не новы для советского читателя, но далеко еще не всегда известны читателю за рубежом. Примечательна и биография автора рассказа. Рытхеу — чукча, представитель народа, не имевшего до революции своей письменности. Советский строй дал ему возможность получить высшее образование. Ныне Рытхеу известный писатель, много сделавший для развития молодой чукотской литературы.